

Малыш проснулся оттого, что услышал громкое «Тпру-у!»...

Голос был мужской, ему незнакомый.

Телега остановилась, укачавшая тряска и скрип колес, под которые Мансурик сладко проспал всю дорогу, внезапно прекратились, вокруг стало непривычно тихо. И эта тишина разбудила его. Мансур всю дорогу спал на постеленной для него телогрейке на душистом сене позади незнакомого человека, слыша его запах, новый для него. Как всякий мальчик, он невольно тянулся ко всему мужскому, поэтому даже чужой этот запах его не оттолкнул, больше того, показался близким, которым следует дорожить – ведь так долго не знал он мужских, отцовских ласк. Мужчина спрыгнул с телеги, поднял малыша на руки, тихо опустил на землю, погладил его по русой голове, сказал: «Все, Мансур, приехали! Теперь будешь тут жить». Еще не пришедший в себя Мансурик тер глаза, стоял возле телеги, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что делать...

Сначала они жили в городе Тобольске.

По утрам мама уходила на поиски отца его, говорила, что может быть, найдет на работе. Возвращалась к вечеру, но без отца, зато с кульком мармеладок, которые очень любил Мансурик, или розовых пряников, пахнущих сладкой ванилью, которые по утрам, уже в отсутствие мамы, он ел с молоком...

Однажды мать принесла и с порога всучила своему малышу машинку с лестницей на крыше. Мансур даже запрыгал от радости. То была первая у него магазинная игрушка, на солнце она сверкала то красными, то малиновыми красками. «Теперь ты у меня пожарник!» – сказала мама. С этой машинкой, обняв ее и поглаживая за гладкие и блестящие бока, малый засыпал до утра.

В один из таких дней он вынес свою машину во двор, потянул за веревочку, увлекая за собой. Но машина часто переворачивалась или падала на бок, наскакивая на траву или комок земли. Поиграв так, Мансур обнаружил щель под запертой на замок калиткой, просунул голову. Там, за забором, бродили нарядные дядечки и тёточки. Любопытство толкнуло малыша к ним, несмотря на твердый наказ матери не покидать двор – он ведь ненадолго и недалеко будет. Мансур покатил машинку за собой, улыбка засияла на его лице: на дощатом тротуаре машина теперь не падала.

Некоторое время спустя он повернул обратно, но своя калитка почему-то никак не узнавалась, не выделяясь среди подобных, как бы старательно ни искал он. Побегав так туда-сюда, от растерянности Мансурик робко заплакал. Возле плачущего появилось несколько взрослых, они участливо расспрашивали Мансура на непонятном ему языке: «Чей ты будешь, мальчик? Как тебя зовут? Где живешь?» Но ничего из этого Мансурик не понимал, тем не менее ответил тем, что когда-то запомнил: «Там!..» Потом рядом возник дядечка в красной фуражке и повел его за

собой. Мансурик долго сидел в его кабинете, рассматривая картинки на стене. Тут и нашла его мама.

В городе отец у Мансура никак не находился, жизнь городская у мамы почему-то не заладилась, у родни с ними стало тесно. Мансур с мамой какое-то время отсиживались вдвоем, своим углом за всю прошедшую зиму они так и не обзавелись.

Потом пришла ранняя весна, прошли долгие дожди на всей земле...

Потом была большая река Иртыш и белый пароход, что дымил густым черным дымом над огромной трубой. Вместе с толпой туда устремились и они. После дождя глинистые тропинки на берегу стали скользкие, будто мылом намазанные. Направляясь к пароходу, мать неловко поскользнулась – они покатались под самый трап, почти до самой воды. Матросы их долго доставали оттуда. За все это время Мансур не издал ни звука, хотя было нестерпимо больно в правой ноге. Видя, что мама плачет, он подумал, что надо утешить: «Мне не больно, не плачь, инэу!» – сказал он, еще крепче сжав свои зубки, кулачки прижал к груди и молчал. В каюте тётечка во всем белом резко потянула его за ногу, от новой боли Мансур даже вскрикнул и потерял сознание. «Какой же ты молодец, Мансурик, – сказала медсестра, когда он очнулся, – ты у нас настоящий герой!» «Защитник растет!» – гордо добавила мать.

После парохода они жили в татарской деревне, где мамочка ждала, пока снимут гипс и поправится нога Мансурика. Потом, когда он научился скакать на обеих ногах по отдельности, пожили в другом ауле у родственников. В каждом из них по дороге на мамину родину они тщетно искали его отца.

Все родственники принимали их хорошо только на первых порах. И безмятежная жизнь быстро кончалась, начинались упреки: «Почему не выйдешь замуж, Марьям, такую красавицу любой мужик будет носить на руках». И Мансур с мамой уходили к другим.

Но приходит конец всякому терпенью. Ведь без семьи никогда не будет и угла своего. Когда до родной Казанлы, на которую Марьям возлагала все свои надежды, оставалось пройти еще две деревни, здешняя родственница познакомила ее с новым женихом, сказала: «Если и за этого не согласишься, к нам дорогу забудь, пора за ум братьяся».

Поразмыслив, Марьям решила: будь что будет.

Хасан был старше на семнадцать лет, при такой разнице муж молодуху свою должен беречь и жалеть наверняка. Сам он прошел через всю убийственную войну, что не приведи Аллах – цену жизни познал сполна, значит, будет дорожить обретенной семьей. Да ведь и мастер на все руки, как рекомендуют – с таким не пропадешь. А с лица воды не пить. Что толку, что многие сватавшиеся были молоды и красивы, да не все они оказывались путевые. Ведь не со всяким хочется свить гнездо.

С последней войны недавние вояки вернулись раненные в голову, будто свихнувшись от этой войны: появились на родине, и запили, закутили, дебоширили, а в пьяном кураже как полоумные жен своих таскали за волосы, били смертным боем, как, наверное, и врагов-то на войне не били. Такие же дурные были и холостяки. Но самое противное, чего никак не понимала Марьям: такие и работать не торопились, не желали, несмотря на нехватку мужских рук везде, так постепенно спивались недавние победители. Марьям не хотела попадать в такие руки, потому и проявляла разборчивость, непонятную для родичей. Путные мужики были прибраны добрыми женами. А Хасан был не урод и не

калека. Да не дурной, как видно, чего еще искать-то? Послушалась она совета родни, они ведь тоже не желали ей худа...

...Пока распрягали лошадь, Мансурик помогал матери переносить привезенные пожитки. Он брал посылное, что вручала ему мама, и бегом относил в дом: кастрюлю, чайник, чумичку, сковороду... Своего добра они с мамой нажить еще не успели, ведь дома-то собственного у них не было никогда, как помнит себя Мансур. Все, что привезли, им выделили те родственники после того как мама согласилась с их предложением о замужестве. Ничего за это они не взяли, сказали только, что Мансур их отблагодарит, когда вырастет. Мансурик кивал, соглашаясь, и радовался, что он обязательно станет большим.

Вот так они с мамой нашли его родителя – теперь Мансур будет звать его «атам», как все другие дети, имеющие отцов.

У Хасана скарб состоял из двух мешков плотницких инструментов да фанерного шорницкого чемодана. Один из мешков был набит колодками для разных размеров обуви. Рукастый по всему Хасан, имевший нужные для любого деревенского труда инструменты, вселял уверенности Марьям. Вся одежда у молодой семьи, можно сказать, была на них. На дворе созревало раннее лето, к зиме обзаведемся всем, чем надо, мечтал каждый.

Дом, куда они определились на первое время, был старенький, но не ветхий, о четырех бревенчатых стенах да пристроенных дощатых сеней. Сени были темные, без какого-либо оконца и щелей, поэтому Мансурику тут было боязно, и он старался быстренько юркнуть в избяную дверь.

Сразу слева от двери располагалась большая беленая печь. Пол в избе был двухуровневый, из некрашенных досок. Второй высокий полсак начинался в трех шагах спереди от печки. Слева от нее светилось окно во двор, откуда была видна калитка и весь участок, за которым в сотне метров всего стоял стеной кедровый бор. Передняя стена имела три окна на солнечную сторону, открывавшие вид на соседские дома через улицу, по которой новая семья прибыла сюда.

Справа от входа было большое окно с видом на широкую деревенскую площадь, покрытую зеленой травой. Вокруг этой площади располагались все казенные заведения в деревне: двухэтажные деревянные здания сельсовета, правления колхоза, контора сельпо, медпункт, магазин с летним ларьком рядом и складами, клуб в бывшей мечети, библиотека, почта – все, что полагалось центральной колхозной усадьбе. За ними шли дома жителей деревни – одноэтажные, редко двухэтажные – большие и маленькие, свежесрубленные, ветшающие, потемневшие от времени. Наверное, деревне было не менее ста лет...

Ко всему в доме оказалась немало нужной для семьи утвари. Справа от входа стояла длинная скамья. В левом переднем углу на стене висела полка-киштя для посуды, под ней к стене прислонен был круглый столик на коротеньких ножках. За печкой имелся широкий проход, где в углу висел рукомойник, внизу стояло порожнее ведро-ашлау для использованной воды. Внутри печки новая хозяйка обнаружила деревянную печную лопату, ухват с длинной ручкой. В сенях стоял большой ларь с откидной кверху дверкой. Хасан же обнаружил в сенях инструменты, нужные во дворе и огороде.

Дом прежние хозяева оставили чистым, с белеными стенами и печью. «Спасибо вам, люди добрые, – мысленно благодарила их новая хозяйка, – пусть будут долгими дни ваши! Может, и мы найдем здесь

счастье свое», — с этими светлыми думами Марьям сбегала за водой, и большим шорническим ножом Хасана начисто, до желтизны досок, выскребла весь пол...

К вечеру вся деревня уже знала о новой семье в этом доме.

Первым зашел проведать их сосед Туллакя, живший через улицу в двухэтажном стареющем доме, пришел с небольшой деревянной кадкой в объятиях. Тихо зашел, поздоровался по-мусульмански:

— Ассалям агалейкем, новые соседи!..

— Вагалейкем ассалям, Туллакя! — ответно поприветствовали жильцы. «Кум-кум», — вставил по-своему и Мансурик.

Сосед улыбнулся, погладил малыша по голове, сказал:

— Мира и благоденствия вам, уважаемые соседи!..

Новые хозяева дома соседа этого близко до сего дня не знали, но были наслышаны, все же сами тоже родом из этих мест, Приагитских. Это был бывший деревенский мулла со схожим духовному званию именем Тулла, еще до войны лишенный мечети, где проповедовал, и единственный во всем ауле участник той еще германской войны, что предшествовала революции. У татар часто сложное имя человеку упрощают. Может, его звали Айзатулла, или Зиннатулла, Рахматулла, или еще как-то. Но никто полного его имени уже не помнил и даже не интересовался.

Несмотря на то, что уважаемый в ауле человек хорошо знал каноны веры, Туллакя никого не поправлял. Он сказал новым соседям, чтобы обращались тут же, если нужда возникнет, по любому поводу — поможем, чем можем, и добавил, что его хозяйка сегодня же принесет им занавески на окна, одеяло и подушки, оставшиеся без применения после отъезда семьи сына из этого дома. Как же без них-то, сказал, и со словами «Бисмилла иррахман иррахим» ушел, оставив принесенную с собой кадучку для теста, а с ней и добрую надежду на дружную жизнь рядом. Семейка молча посмотрела друг на друга да развела руками. Марьям прослезилась, ведь доброе слово лед плавит, такое начало очень порадовало семейку.

Вот таким запомнился Мансурику первый день в его новом ауле. С появлением отца он обрел теперь и дом свой, и родину...

И потекли дни их совместной новой жизни.

Они были намного радостнее и безмятежнее, чем предыдущие. Всякие первые трудности, что вставали здесь, были не в тягость, а только разнообразили жизнь. Много чего еще нужно было молодой семье, но вешать нос причины не было, ведь как говорится, щепка к щепке льнет — со временем все, что надо, у них будет непременно...